

Стародавние времена. Русь. По зелёному лугу, меж крупных, как солнца, ромашек и лютиков, шли двое, радостно смеясь, смотря друг на друга и держась за руки. Молоденькая девушка, в простом ситцевом платье, не полная и не худая, ладно сложенная, настоящая русская девушка, с русыми волосами, заплетёнными в тугую косу, босая, и юноша лет двадцати, в шароварах, в скрипучих чёрных сапогах и нательной рубахе с вышитым орнаментом. Девушка взглянула в глаза своего спутника, и солнце заиграло на её веснушках, вторя радостной девичьей улыбке. Все в деревне умилялись да не могли нарадоваться, смотря на молодых, видя их честную светлую дружбу, не опозоренную ничем постыдным, нечестивым, берегущих себя до свадьбы, готовящих себя для первой брачной ночи.

— Ой, Матрёна, гляди-ка, Марфуша твоя с женихом идёт! — благоговейно воскликнула дородная женщина, смотря вслед молодым, всё также весело смеющихся и держащихся за руки, гордо идущих по широкой дороге меж деревенскими избами. — Да, Авдотья, старшая моя — моя гордость, — ответила красивая статная женщина, поставив на землю ведро с водой, — Бережёт себя до свадьбы, никаких глупостей не позволяет ни себе, ни Ивану... Солнце моё, восемнадцать годков — краса моя...

Миновав луг, молодые углубились в реденький лесок, спустившись в глубокий овраг, уже хорошо знакомый им. Девушка уселась на низенький камень, откинувшись назад, оперевшись ладонями в прохладный гранит, юноша присел на корточки напротив неё, сорвав с земли травинку.

— Милая моя, запыхалась поди? — Иван ласково взглянул на Марфу, переместился на грудь, скользнул по животу и ногам, остановившись на щиколотках, ровно там, где заканчивалось девичье платье. — Ивашенька, с тобой для меня — и семь вёрст не крюк, — ласково ответила девушка, игриво подвигав бёдрами, словно бы удобнее устраиваясь на камне. — Тогда давай как в прошлый раз? — юноша встал на ноги, быстро стянул с себя шаровары и извлёк на свет свой член, уже порядком окрепший и напряжённый.

Вложил его в ладонь, чуть отклонился назад, сжал пальцы. На девушку смотрела красная головка её друга, молодой человек чуть двинул рукой, ощущая в груди жгучее желание.

— Как в прошлый раз или больше? — жарко прошептала Марфа, с трудом отрывая взгляд от члена юноши, поднимая глаза на лицо молодого человека.

Села ровнее, чуть расставив ноги, наклонилась вперёд, ловко обхватив пальцами восставший член своего жениха. Прикрыла глаза, чуть высунув язык, припадая к паху Ивана, едва не касаясь носом его лобковых волос, и с наслаждением свела губы на красной, блестящей от желания, головке.

Сладостный стон потревожил лесных обитателей. Закрыв глаза, тяжело дыша, юноша ощущал под своими ладонями тугую косу девушки, пока она, уже в третий раз за всё это время, с каждым разом всё лучше и лучше, обхватив губами его член и помогая себе пальцами и языком, дарила своему жениху неземное наслаждение. Обхватив член ещё и пальцами, положив мошонку во вторую ладонь, Марфа разомкнула губы, не отпуская члена, снизу-вверх взглянула в задрванное кверху лицо молодого человека и осторожно прикусила головку зубами, двигая рукой, тяжело дыша и вновь сводя вместе губы.

— Марфуша моя, Марфуша... — застонал юноша, поглаживая руками голову девушки, встал

ровно, наклонился вперёд, нежно кладя ладонь на девичий затылок. — А-ах, — тяжело выдохнула девушка, теснее прижимаясь к своему другу, кладя ладони на его голые ягодицы.

Прикрыла глаза, шире раскрыв рот и впиваясь ногтями в его кожу. Схватив рукой пульсирующий член, молодой человек поспешно просунул его в рот разгорячённой Марфы и взорвался потоком жгучего семени, прижимая голову невесты к своему паху, интенсивно двигая рукой и крича.

Вбирая в рот последние капли семени, девушка стремилась проглотить всё, поспешно глотая и вытирая пальцами свой блестящий подбородок, дыша через нос, ощущая, как член Ивана упирается ей ровно в щёку, продолжая исторгать из себя потоки горячего огня. Наконец, отстранившись, Марфа с благоговейным трепетом взглянула на мокрый, опавший член молодого человека, зажатый в его руке, чуть подрагивающий, всё также смотрящий на неё.

Не говоря ни слова, словно понимая мысли друг друга, молодые люди принялись поспешно раздеваться. Встав с камня и смотря на юношу, скидывающего с ног сапоги, девушка поспешно ухватилась руками за подол своего платья, быстро сняв его через голову, отбросив на тот же самый камень. В миг сделавшись абсолютно нагой, девица с улыбкой смотрела на замешкавшегося Ивана, снимающего с себя последний элемент своего наряда — рубаху. Справившись и с нею, молодой человек во все глаза воззрился на девушку, прекрасную в своей первозданной наготе.

Блуждая взглядом по её крепким, но нежным, плечам, оглядывая упругие, с крупными красными сосками, груди и мягкий живот, Иван не мог наглядеться на явившуюся ему красоту. Трепеща от вожделения, опустил он глаза ниже, уткнувшись в то, что надёжно скрывал от любопытных глаз первозданный покров густых лобковых волос, тёмной подушкой выделяющийся на белой девичьей коже. Не говоря ни слова и не пытаясь прикрыться, Марфа шагнула к своему жениху, прижавшись к нему всем телом, ощутив внизу своего живота вновь упругое, набирающее силу мужское естество своего избранника.

— Ты... правда хочешь этого?! — выдохнул юноша, осторожно кладя ладони на девичьи ягодицы, прижимая девушку к себе, ощущая пахом волшебную мягкость её промежности. — Да, милый... Но не торопись, есть у меня для тебя кое-что ещё... поистине волшебное, — с этими словами девушка мягко отстранилась, сделала шагок назад, опустившись на колени, перевернувшись к юноше своими белым задом.

Положила грудь на тот самый камень, обернулась через плечо, словно бы зовя его. Как замороженный опустился Иван на колени позади Марфы, положив дрожащие пальцы на девичьи крепенькие ягодички.

— Ты правда... готова? — прошептал он, не веря своим глазам, с удивлением смотря в глаза своей невесты. — Да, но не спеши. Пусть останусь я чиста и непорочна до нашей свадьбы, как желает того молва людская, — прошептала Марфа, — Но есть ещё кое-что, чего ты не касался, мой любимый, что я берегла от тебя...

Юноша очень осторожно, переведя взгляд, развёл ягодицы Марфы, раскрыв то, что ещё ни разу не видел, две нежные милые дырочки одна над другою и прядь восхитительных волосков.

— Поцелуй меня туда, я доверяюсь тебе... — девушка прикрыла глаза, положив голову на руки, удовлетворённо выдохнув.

Иван трепетно коснулся пальцем ануса своей возлюбленной, ощутив всю нежность её самого потаённого местечка, вновь заставив девушку томно выдохнуть. ануса ненаглядной. Затаил

дыхание, прислушиваясь к своим ощущениям, ощущая возбуждённой плотью приятную возбуждающую шероховатость. Превозмогая сладкую боль, подался вперёд и вниз, проникая в самую тайну, тяжело выдыхая.

Марфа заголосила на весь лес, когда лобковые волосы юноши коснулись её ягодиц, сладостно стонала она, когда молодой человек, на выдохе, вышел из неё и вновь вошёл, уже увереннее и проще, до самого конца проникнув в её анус, в её всю. Пригнувшись к девушке, обхватив ладонями её живот, Иван неистово задвигал тазом, закричав, и вскорости высвободил из себя огненный вулкан, ровно внутрь своей Марфы.

Девушка кричала в унисон ему, ощущая внутри своей прямой кишки сокращения его члена и огонь, наполняющий её. Юноша тяжело дышал на ухо Марфы, губами и языком касаясь её мокрой щеки, не торопясь прерывать их сказочное, неземное соитие, не несущее молодым ничего дурного, не дразнящее людскую молву, не обрекающее себя на всеобщее осуждение. Лишь успокоив дыхание, ощущая грудью и животом разгорячённую кожу своей возлюбленной, молодой человек распрямился, осторожно вынимая из ануса девушки свой мокрый пенис. Когда головка выскользнула наружу, из расширенной дырочки робко пролилась струйка его спермы, но не такой чистой и белёсой как несколько минут назад изо рта Марфы. Сидя на коленях и сорвав лист лопуха, молодой человек старательно и любовно вытирал попку своей любимой, промакивая анус, осторожно очищая её лобковые завитушки от своих капелек, стараясь не касаться того, до чего ему будет позволено дотронуться во время их первой брачной ночи.

Отпустив свои ягодицы, девушка выпрямилась и уселась на колени, спиной к Ивану, касаясь его и наслаждаясь последними мгновениями их бесподобной близости. Подняла кверху руки, запрокинула голову, чувствуя на своих грудях ладони любимого, его губы, шепчущие ей на ушко нежные слова. Время для неё остановилось. Глаза наполнились благодатными слезами радости и счастья, и птичье пение вторило ей, заставляя девичье сердечко трепетать и кружиться...

* * *

В полутёмной комнатухе, с деревянными стенами и двумя крохотными оконцами под самым потолком, в корыте с водой стояла обнажённая девушка. Блестящая и румяная, с распущенными волосами и с берёзовыми листочками, прилипшими к её нагому телу. Рядом с нею стояла красивая статная женщина в одной лишь нижней рубахе, держа в руке берёзовый веник.

— Красава моя, будешь чистая, к суженому своему такая пойдёшь, — любовно проговорила Матрёна, охаживая плечи Марфы. — Сейчас бабка Агафья подойдёт, засвидетельствует твою непорочность, — добавила мать, наклоняясь и окуная веник в воду.

У девушки тревожно сжалось сердце, остановилось дыхание. С глухо колотящимся сердцем она смотрела вниз, на согнувшуюся мать и на свой лобок, покрытый тёмными мокрыми волосами, не в силах произнести ни слова.

— Матушка, поди прочь... Встань в углу, — в полутьме раздался визгливый старушечий голос и скрип закрываемой двери.

К корыту, трясаясь и опираясь на палку, подошла древняя старуха, сгорбленная и вся в лохмотьях.

— На, вот... — ведьма отдала Матрёне свою палку, сквозь спутанные космы строго взглянув на испуганную девушку.

Бросив веник в воду и принимая деревянную клюку, женщина послушно отошла в угол комнатухи, встав под огромной паутиной с крупным пауком. Марфа тихо ойкнула, запоздало сомкнув ладони на своей голой промежности.

— Тебе нечего меня стыдиться, чего-й я там ещё не видела, — смеясь, прокаркала старуха, шатаясь, обходя корыто и вставая за спиною девушки. — А вот коли не уберегла ты себя до сроку делами нечестивыми — вот тут тебе стыд и позор уготован будет. Нагнись-ка! — с этими словами древняя бабка обеими руками упёрлась в лопатки девушки, стигая ей спину.

В страхе согнулась девица, смотря вниз, прямо в воду, безвольно опустив руки, касаясь волосами воды, ощущая пристальный взгляд старухи на своём теле. Чувствовала она и сухие пальцы ведьмы, упирающиеся в её ягодицы, разводящие их в стороны.

— Хороша девка, хороша... — прошамкала бабка, вперив свой пристальный взгляд между девичьими ногами и ягодицами. — А ты что ж лопухом подтираешься? — с ядовитым смешком воскликнула она, коснувшись длинным кривым ногтем ануса Марфы, всё ещё воспалённого, ещё помнящего присутствие в нём Ивана.

У девушки на глазах выступили слёзы. Казалось, ничто не могло укрыться от внимательного взгляда опытной повитухи. Марфа шмыгнула носом, не разгибаясь, чуть заметно кивнула головой.

— Не реви, коль чиста ты и непорочна — радоваться надо, — промолвила старуха, убирая палец, проведя им по самой промежности, по той самой пяди кожицы, что между анусом и нижними краями половых губ у женщин находится.

Приободрилась Марфа, похлопала глазами, стряхивая с ресниц слёзы, тихонечко выдохнула. Старуха коснулась большим пальцем девичьих половых губ, заправив два других под лобок Марфы, утопив их в густом покрове. Двигая сухой подушкой большого пальца, ведьма осторожно погрузила его глубже, осторожно раздвигая им половые губы, словно бы желая добраться до самого важного. Остановилась, вынула и поднесла руку к носу.

В комнатухе воцарилась гробовая тишина, девушка затаила дыхание, слыша лишь, как сопит и причмокивает древняя карга. Казалось, даже во дворе всё стихло.

— Чиста твоя девка, Матрёна! Радуйся, а то сидеть вам на свадьбе за столом в конских хомутах! — наконец, Марфа услышала громкий возглас ведьмы. — Клюку мою подай да за стол пригласить не забудь! Я сама буду простыню смотреть, — повелительно добавила она, требовательно вскидывая костлявую руку. — Спасибо вам, баба Агафья, — из полутьмы вышла мать, с лёгким поклоном протягивая бабке трость. — Хорошую девку ты воспитала, ладную, — протянула ведьма, оборачиваясь через плечо, ковыляя к двери.

Когда за нею закрылась дверь, женщина радостно обняла свою дочь, покрывая поцелуями её лицо, сжимая ладонями её щёки.

* * *

В светлой от свечей горнице, за массивным дубовым столом всюю шло гуляние. Песни да частушки, снесь да веселье, стук кружек и голосистый хохот. Вдруг всеобщий гомон стих, раздался едва слышный девичий вскрик, с потолка, искрясь в свете свечей, заметались пылинки и мельчайшие частички опилок. В горнице стало тихо, вскрик повторился, но теперь это был вскрик радости и наслаждения.

— Ах ты, моя радость... — прошептала Матрёна, с кроткой улыбкой оглядывая гостей, сидящая по правую руку от неё старуха-повитуха довольно крякнула.

И тотчас же веселье продолжилось с новой силой, пока наверху, в небольшой уютной

комнатке, освещаемой одной единственной свечкой, на кровати, застеленной белоснежной, но уже измятой простынёй, возлежала обнажённая вспотевшая русоволосая девушка. На ней, примостив таз меж её широко разведённых в стороны коленях, располагался такой же нагой молодой мужчина, упиравшийся в кровать руками и интенсивно двигая бёдрами. Кровать чуть заметно покачивалась, едва слышно поскрипывая, раскинув руки в стороны, цепляясь пальцами за простыню и закрыв глаза, девушка тяжело дышала, закусив губы, что-то бессвязно бормоча. Резко выдохнув и на миг замерев, молодой человек повалился на девицу, уткнувшись мокрым лицом в подушку, касаясь щекою девичьего уха.

Девушка вытянула ноги, поглаживая ладонью жёсткие волосы своего мужа, счастливо смотря в деревянный потолок, прислушиваясь к звукам веселья, что проистекало внизу, разделяя со всеми счастье честного девичества...

Спустя час, одевшись и причесавшись, молодые, держась за руки, спустились вниз. Собравшиеся встретили молодожёнов почтительными возгласами, некоторые из них привстали с деревянных лавок. Позади шла та самая ведьма Агафья, гордо неся в руках, чтобы собравшимся всё было хорошо видно, измятую белую простыню с характерной отметиной — несколькими красными пятнами.

Мать Марфы встала со своего места, не сдерживая слёз радости, подошла к молодожёнам и поклонилась им до земли.

— Солнце честного девичества, — в сердцах произнесла она, заключая свою дочь в крепкие материнские объятия.